Перевалов П.
Народ и армия
в борьбе за
свободу.

П. 1917

ИМЛ — Библиотека
ГИ46
П371

БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

СЕРІЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ

Петръ Перевалов

ГИ46
П 371

НАРОДЪ и АРМІЯ
ВЪ БОРЬБѢ ЗА СВОБОДУ

ОЧЕРКИ
ГОСУДАРСТВЕННАГО ПЕРЕВОРОТА
27 ФЕВРАЛЯ 1917 Г.

№ I—3

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
I. Р. БѢЛОПОЛЬСКАГО
ПЕТРОГРАДЪ 1917

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИ46р
П 371р

Библиотека
Института Ленина
при ЦК КПСС
69280

Тип. „СѢВЕРЪ".
ПТГ. Невскій, 140.

Какъ готовилось къ революціи правительство.

Агенты павшаго правительства стали принимать подготовительныя „мѣры“ для подавленія предполагавшейся революціи еще въ ноябрѣ прошлаго года.

Правительство готовилось усиленно къ 9 января, когда именно, по свѣдѣніямъ охранки, и предполагалось выступленіе рабочихъ.

Въ ночь на 7 января, по распоряженію Протопопова, въ совѣщательномъ залѣ петроградскаго градоначальства созвано было совѣщаніе, въ которомъ принимали участіе петроградскій градоначальникъ Балкъ, начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ, представитель губернскаго жандармскаго управленія, извѣстный полковникъ Горленко, жандармскій генералъ Волковъ и всѣ пет-

роградскіе полиціймейстеры. Начавшееся въ 9 часовъ засѣданіе окончилось лишь въ исходѣ 4 часа утра. Здѣсь же былъ поднятъ вопросъ объ энергичномъ противодѣйствіи какимъ-либо выступленіямъ народныхъ массъ на улицахъ.

Впервые на этомъ засѣданіи одинъ изъ жандармскихъ генераловъ высказалъ опасеніе, что едва ли, какъ прежде, сильной опорой будутъ войска. Одинъ изъ присутствовавшихъ чиновъ департамента полиціи огласилъ документъ, указывавшій, что пропаганда уже проникла въ нѣкоторыя войсковыя части и трудно разсчитывать, что солдаты будутъ такъ-же, какъ 9 января 1905 г., безотчетно разстрѣливать толпу:

— Что же дѣлать тогда?—воскликнулъ генералъ Глобачевъ: — сложить оружіе и пойти вмѣстѣ съ ними?!

Эта тема служила предметомъ долгихъ споровъ, и рѣшено было по мѣрѣ возможности, не прибѣгая къ вызову войсковыхъ частей, сдержать толпу исключительно петроградской полиціей. При обсужденіи этого проекта выяснилось, что въ резервѣ полицей-

сихъ ротъ, число коихъ достигало восьми, не хватало значительнаго количества городовыхъ, полагавшихся по штату, а также было очень мало винтовокъ. Многіе же изъ городовыхъ резервныхъ ротъ были вооружены лишь берданками.

Послѣ переговоровъ съ ген. Хабаловымъ градоначальникъ, однако успокоился на этотъ счетъ, такъ какъ Хабаловъ обѣщалъ доставить въ нужный моментъ всѣ необходимые предметы вооруженія.

9 го января никакихъ выступленій рабочихъ не было. Въ охранку же поступили свѣдѣнія, что выступленіе отложено на 12 января.

11 января, утромъ, въ резервныхъ ротахъ начальникамъ резерновъ были розданы доставленные изъ Ораніенбаума пулеметы. Ночью, по составленному плану, пулеметы были размѣщены на крышахъ и чердакахъ нѣкоторыхъ домовъ преимущественно въ тѣхъ районахъ, гдѣ ожидалось прохожденіе демонстрантовъ.

Въ то время полицейскіе еще не были обучены стрѣльбѣ изъ пулеметовъ, и, про-

изойди выступленіе народныхъ массъ тогда,— сидѣвшіе на крышахъ городовые едва ли бы сумѣли нанести какой-нибудь вредъ демонстрантамъ.

Когда же 12 января прошло спокойно и въ охранномъ отдѣленіи были получены свѣдѣнія, что революціонное движеніе откладывается до дня возобновленія работъ распущенной Гос. Думы, то было рѣшено заняться въ теченіе этого мѣсяца обученіемъ городовыхъ стрѣльбѣ и обращенію съ пулеметами. Всѣмъ чинамъ полиціи было объявлено, что имъ, подобно солдатамъ осаждаемой крѣпости, будетъ выдаваться усиленный окладъ. Этотъ «окладъ» затѣмъ получилъ болѣе опредѣленную форму. Городовымъ было сообщено, что они будутъ получать отъ 60 до 100 руб. Одновременно съ петроградской полиціей усиленно готовилась и стража, состоявшая въ распоряженіи петроградскаго губернатора Сабурова, а также и всѣ чины уѣздной полиціи.

За день до возобновленія Гос. Думы на заводахъ и фабрикахъ были разбросаны листки и прокламаціи, сфабрикованные въ

нѣдрахъ департамента полиціи и призывавшіе рабочихъ, якобы отъ имени Милюкова, идти къ Таврическому дворцу. Этимъ преждевременнымъ выступленіемъ предполагалось разбить еще не совсѣмъ сплотившіяся массы.

Но провокація не удалась.

Рабочіе не послушались призыва, и въ день 14 февраля забастовала лишь незначительная часть фабрикъ и заводовъ.

Когда 23 февраля, съ 1 ч. дня забастовали нѣкоторые заводы въ районѣ Выборгской стороны и въ городѣ начался разгромъ мелочныхъ лавокъ, изъ которыхъ предварительно исчезъ хлѣбъ, то изъ охраннаго отдѣленія было сообщено во всѣ участки о сборѣ къ ночи всего кадра полиціи.

На происходившемъ въ тотъ же вечеръ собраніи произошли большія разногласія среди приставовъ и полиціймейстеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ, выяснивъ, что требуетъ охранное отдѣленіе, въ категорической формѣ заявили, что они отказываются брать на себя какую бы то ни было отвѣтствен-

ность, если противъ народныхъ массъ будутъ выдвинуты только чины полиціи.

Послѣ того, какъ 24 февраля на центральныхъ улицахъ появились тысячныя толпы народа съ красными флагами и среди шедшихъ было замѣчено много солдатъ,— для охраннаго отдѣленія стало ясно, что положеніе настолько обостряется, что разсчитывать на поддержку войска едва ли придется. Понимая, что при такихъ условіяхъ первый же выстрѣлъ со стороны городовыхъ можетъ быть чреватъ послѣдствіями, охранное отдѣленіе предложило градоначальнику немедленно же переодѣть всѣхъ городовыхъ въ солдатскія шинели.

По требованію ген. Хабалова, въ 3 ч. ночи на 26 февраля изъ казармъ нѣкоторыхъ полковъ были взяты шинели и головные уборы и въ нихъ переодѣты городовые. Такому же маскараду подверглись и конно-полицейская стража, а также петроградская уѣздная полиція.

Въ теченіе дня на улицахъ столицы абсолютно не было видно городовыхъ. Повсюду находились «солдаты». И первая бойня,

происшедшая у зданія Думы, была начата именно этими «солдатами», открывшими безпорядочную стрѣльбу послѣ нѣсколькихъ провокаторскихъ выстрѣловъ, произведенныхъ кѣмъ-то въ воздухъ съ Думской улицы.

Ночью въ охранномъ отдѣленіи были получены свѣдѣнія, что изъ Колпина по направленію къ Московской заставѣ идутъ на подмогу рабочіе съ мѣстныхъ заводовъ въ количествѣ 8.000 человѣкъ. Немедленно же объ этомъ было сообщено исправнику Царскосельскаго уѣзда. По заранѣе составленному плану были устроены засады на всемъ пути, по которому должны были пройти рабочіе. Здѣсь же находились спрятанными и пулеметы.

Предполагавшаяся кровавая бойня не удалась.

Кто-то успѣлъ предупредить двигавшуюся къ Петрограду массу, и она, повернувъ обратно, прошла къ городу другимъ путемъ.

Протопопову осталась вѣрной лишь часть столичной полиціи, которая до послѣдняго патрона сидѣла на крышахъ и чердакахъ.

Остальные же при первыхъ же извѣстіяхъ о присоединеніи войскъ къ народу бросились обратно въ участки и, собравъ все наиболѣе цѣнное, разбѣжались. Самая незначительная часть, одинъ полиціймейстеръ и двое приставовъ съ нѣсколькими городовыми добровольно явились въ Гос. Думу и заявили о своемъ присоединеніи къ народу.

Какъ удалось установить, на крышахъ и чердакахъ находилось до 50 пулеметовъ. На Знаменской площади 26 и 27 февраля разстрѣломъ толпы руководилъ начальникъ жандармскаго отдѣленія Николаевскаго вокзала генералъ-майоръ Фурса со своими помощниками, полковникомъ Плетневымъ и Толубѣевымъ.

Всѣ трое арестованы.

«НАЧАЛО».

Началось 23 февраля.

Началось внезапно и совершенно случайно. По всему Петрограду, у хлѣбныхъ и мелочныхъ магазиновъ съ ранняго утра вытянулись безконечные, обычные «хвосты». Въ этотъ день въ Петроградѣ почти не было

хлѣба, и поэтому «хвосты» волновались, негодовали. Сыпались проклятія и угрозы по адресу «управителей», доведшихъ земледѣльческую страну почти до голода...

Однако, до 12 часовъ дня жизнь въ столицѣ протекала обычнымъ порядкомъ.

И вотъ изъ какого-то «хвоста» на Выборгской сторонѣ вырвалась какая-то плачущая женщина.

— Да что же вѣкъ стоять здѣсь!.. Да что глядѣть на нихъ, проклятыхъ!—заголосила она на всю улицу.

Откуда-то въ ея рукахъ появилось полѣно. Мигъ —и окно магазина разлетѣлось «вдребезги»

«Хвостъ» точно ждалъ этого сигнала.

Всѣ бросились къ магазину, и начался разгромъ.

А черезъ часъ громили мелочные магазины уже во всѣхъ концахъ Петрограда.

Отъ «хвоста» къ «хвосту» перекатывалась вѣсть о разгромахъ, отъ этихъ «хвостовъ» отдѣлялись молчаливыя фигуры, били окна, а толпа довершала остальное.

Громили озлобленно, жестоко, разносили

въ щепы все, что попадалось подъ руку. Неистовствовали почти безъ криковъ, но у многихъ громившихъ текли слезы изъ глазъ, нѣкоторыя женщины плакали въ голосъ...

Полиція въ этотъ день бездѣйствовала.

А на другой день забастовали всѣ заводы. Разгромъ магазиновъ продолжался. По улицамъ ходили толпы народа съ красными флагами. По всему городу раздавались крики тысячъ людей:

— Хлѣба!.. Хлѣба!..

Демонстранты останавливали трамваи и отбирали у кондукторовъ ручки отъ тормазовъ. Были попытки со стороны мальчишекъ-подростковъ бить стекла у вагоновъ. Но эти попытки прекращались самими демонстрантами.

— Не смѣй бить! Не хулигань!—кричали они на мальчишекъ.

Трамвайное движеніе было остановлено быстро, точно по заранѣе обдуманному плану.

И въ этотъ же день рабочіе принесли въ управленіе городскихъ дорогъ всѣ отобранныя ручки.

— Извольте получить подъ расписку. А если завтра трамваи пойдутъ—будемъ разбивать вагоны...

Въ этотъ день уже свирѣпствовали конные городовые. Они наѣзжали на тротуары, тѣснили толпы, давили, разгоняли.

На Выборгской и Петроградской сторонахъ переодѣтыми въ солдатскія шинели городовыми было сдѣлано нѣсколько залповъ.

Въ этотъ день на алтарь свободы народъ принесъ нѣсколько десятковъ изувѣченныхъ, раненыхъ и убитыхъ.

Въ центрѣ города, на Невскомъ и прилегающихъ къ нему улицахъ до поздней ночи не расходились толпы, гарцовали верховые городовые, щелкали нагайки, и воздухъ все еще оглашался настойчивыми криками:

— Хлѣба... Хлѣба!..

«За свободу»!..

25 февраля уже никто не требовалъ:

— Хлѣба!

Стройными рядами съ развѣвающимися красными знаменами по городу ходили толпы рабочихъ, среди которыхъ пестрѣли сѣрыя солдатскія шинели. Гремѣла мощно «марсельеза», росъ и ширился настойчивый, властный призывъ толпы:

— Долой полицію!.. Долой самодержавіе!.. Да здравствуетъ свобода!.. За свободу, товарищи!..

Какъ и наканунѣ среди толпы, тѣсня и давя народъ гарцовали полицейскіе. Были разставлены по всему городу солдатскія «заставы»,—послѣднія только для вида:

Нѣсколько разъ отдавался приказъ этимъ «заставамъ» стрѣлять въ демонстрантовъ, но онѣ каждый разъ упорно отказывались. У Троицкаго моста офицеръ командовавшій охраной, выстроилъ солдатъ цѣпью и приказалъ дать залпъ въ надвигавшуюся на мостъ по Каменноостровскому проспекту толпу. Солдаты отказались.

— Залпъ въ воздухъ!—не приказывалъ, а уже просилъ офицеръ.

Но солдаты не захотѣли стрѣлять и въ воздухъ.

На Знаменской площади полицейская конница кольцомъ охватила толпу и стала тѣснить ее на Знаменскую улицу. Замелькали нагайки, защелкали револьверные выстрѣлы... Толпа хлынула въ Знаменскую улицу. Въ это время по Невскому къ Знаменской площади во весь карьеръ пронесся взводъ казаковъ. Въ мгновеніе ока они отрѣзали толпу отъ городовыхъ, повернули коней и «взяли въ шашки» полицейскую конницу. Тѣ поспѣшили спастись бѣгствомъ, оставивъ на мѣстѣ изрубленнаго въ куски пристава.

— Урра!.. — восторженно загремѣла толпа, бросаясь къ казакамъ.

Смѣшались съ ними, жали руки, цѣловали морды ихъ лошадей...

— Да здравствуетъ армія! — кричали снова.

И въ отвѣтъ неслось тоже радостное «ура» казаковъ. Энергичныя лица ихъ расплывались въ дружелюбную усмѣшку.

— Не бойсь, товарищи! — говорили они.—Казакъ васъ не тронетъ!..

У Казанскаго собора переодѣтые въ

солдатскія шинели городовые обстрѣливали Невскій. Въ этотъ же день на Невскомъ разыгралась такая сцена.

Толпа рабочихъ шедшая со стороны Адмиралтейства наткнулась у Полицейскаго моста на засаду, состоявшую изъ нѣсколькихъ взводовъ правительственныхъ войскъ съ пулеметами. Рабочіе дрогнули было, но сейчасъ же оправились и съ пѣніемъ «Марсельезы» вступили на мостъ. Несмотря на неоднократное приказаніе офицера, солдаты хотя и цѣлились, но все медлили стрѣлять.

— Что же не стрѣляете, братцы? — раздались голоса изъ среды рабочихъ. — Стрѣляйте, бейте своихъ!.

Но солдаты все медлили...

Толпа неудержимымъ потокомъ хлынула на нихъ, смѣшалась съ ними и увлекла за собой. Винтовки поднялись вверхъ, лица посвѣтлѣли...

Увлеченныхъ солдатъ обнимали, цѣловали, жали руки.

Они тоже улыбались въ отвѣтъ.

— Ну, что-жъ, коли такъ, айда и мы съ вами!..

На Владимірскомъ съ нарочито громкимъ гиканьемъ, стараясь никого не задѣть, не толкнуть, «наметомъ» летали на коняхъ казаки. Ни демонстранты, ни публика не пугались ихъ, встрѣчали и провожали безобидными шутками.

Казаки придерживали лошадей и въ свою очередь бросали шутливыя фразы въ публику.

Съ веселымъ крикомъ шарахались межъ ногъ казачьихъ лошадей вездѣсущіе мальчишки. Какой-то простоватаго вида мастеровой опасливо пыталъ у молодого казака:

— Дяинька, а ты стегать не будешь?..

Казакъ улыбнулся въ сторону, сверкнувъ бѣлыми крѣпкими зубами и небрежно уронилъ:

— Не бойсь!.. Мы не фараоны.

А на Литейномъ у моста въ это время конные жандармы разгоняли шашками беззащитную толпу. Били не только плашмя, но и остріемъ... А потомъ и стрѣляли изъ револьверовъ.

Библиотека

Въ этотъ день по всему городу носились автомобили со значками «краснаго креста» и работы у этихъ автомобилей было много.

26 февраля полученъ былъ указъ о роспускѣ Гос. Думы, но Дума рѣшила не расходиться и представители прогрессивныхъ группъ во главѣ съ М. В. Родзянко сосредоточили вокругъ себя центральныя нити начавшейся революціи.

Въ этотъ день продолжались разстрѣлы толпъ переодѣтыми городовыми, но уже изъ рядовъ демонстрантовъ слышались отвѣтные выстрѣлы.

Наконецъ насталъ историческій, великій день 27-го февраля.

Генеральное сраженіе.

Съ утра на улицахъ Петрограда уженѣ видно было ни одного городового, ни одного разъѣзда. Многочисленные патрули ходившіе но улицамъ мирно бесѣдовали съ прохожими.

Они же передали радостную вѣсть о присоединеніи къ рабочимъ Павловскаго

полка. Павловцы отказались стрѣлять въ народъ, убили командира и пошли съ рабочими. Тѣ же патрули разсказали и о присоединеніи Волынцевъ. Изъ Волынскаго полка были взяты шинели для городовыхъ и это возмутило солдатъ:

— Зачѣмъ переодѣваютъ въ наши шинели «фараоновъ»!..

Перелѣзли черезъ заборъ и высыпали на улицу, гдѣ сейчасъ же стали во главѣ революціонеровъ.

Съ утра Невскій былъ мало оживленъ. На углахъ стояли небольшія кучки разговаривавшія съ патрулями. По тротуарамъ фланировала рѣдкая публика и съ интересомъ разсматривала пробитыя пулями «фараоновъ» наканунѣ окна магазиновъ, глубокія отмѣтины на гранитѣ массивныхъ зданій.

Отыскивали на мостовыхъ и тротуарахъ слѣды крови и находили ихъ.

Въ центрѣ не слышно было никакихъ пѣсенъ, никакихъ манифестацій.

Только Владимірскій и Литейный проспекты были запружены народомъ, но и здѣсь

было тихо. Никто не пѣлъ, никто не говорилъ рѣчей. Всѣ столпились тихокалышащейся массой и напряженно всматривались вдаль, въ сторону Литейнаго моста.

Забрелъ сюда и я.

— Кого ждутъ, почему здѣсь стоятъ?— спросилъ я какого-то гражданина.

Онъ мелькомъ взглянулъ на меня и торопливо отвѣтилъ:

— Рабочіе съ солдатами съ той стороны придутъ. Тамъ засада... Бой будетъ...

И снова поднялся на цыпочки и напряженно сталъ смотрѣть впередъ.

На Выборгской сторонѣ гдѣ-то затрещали частые близкіе выстрѣлы и публика бросилась съ Владимірскаго и Литейнаго въ боковыя улицы и на Невскій. А черезъ какой нибудь часъ неумолкая трещала частая стрѣльба по всей Выборгской сторонѣ и въ районѣ Литейнаго.

Запылали окружный судъ и взятый солдатами арсеналъ. Всѣ заставы и посты у Литейнаго моста, и на Англійской набережной и вблизи Артиллерійскаго военнаго училища были сняты солдатами и рабочими.

На Сампсоніевскомъ проспектѣ были разбиты революціонерами и сдались «на милость побѣдителя» два взвода конныхъ жандармовъ. Присланная сюда сотня казаковъ присоединилась къ революціонерамъ.

На Сергіевской у Литейнаго выросли баррикады на которыхъ рабочіе установили двѣ пушки. На Шпалерной брали приступомъ тюрьму.

На Выборгской разбили ворота «Крестовъ» и выпустили всѣхъ арестованныхъ. Къ вечеру были разгромлены и подожжены всѣ тюрьмы Петрограда.

По Петроградской сторонѣ разъѣзжали автомобили-грузовики съ вооруженными солдатами и рабочими. Эти автомобили встрѣчались и провожались тысячеголосымъ «ура».

Всюду стало извѣстно о присоединеніи почти всѣхъ полковъ Петроградскаго гарнизона. Всѣ присоединялись къ революціонерамъ добровольно и только самокатчики были «взяты» послѣ короткаго, но жаркаго боя.

Событія смѣнялись со сказочной быстро-

той. Результаты неожиданной революціи превосходили самыя радужныя надежды.

Въ 1 номерѣ «Своб. Мыслей» Я. Окуневъ передаетъ такую сценку:

«Поѣздъ Финляндской желѣзной дороги неожиданно остановился у семафора. Пассажиры встревоженно выскочили на площадки, на полотно.

— Что случилось?

И увидѣли, что случилось нѣчто потрясающее.

Къ подъѣзду шелъ патруль: шестеро солдатъ и двое рабочихъ—всѣ съ винтовками. А на штыкахъ—красные флажки. И глаза у солдатъ были новые внимательные и радостные. И слова у нихъ новыя:

— Граждане! Поѣздъ не пойдетъ.

Наканунѣ никто еще не думалъ о революціи, а сегодня—красные флажки на штыкахъ, и штыки уже не принадлежатъ больше царизму. Солдаты граждане и насъ называютъ гражданами.

— Неужели уже?—спрашивали радостно-растерянныя лица пассажировъ.

— Уже, уже!..

Въ вагонѣ 2-го класса три офицера: старикъ-генералъ и два поручика. Солдаты вошли во второй классъ.

У генерала сдвинулись брови:

— Э-э!.. Нижнимъ чинамъ воспрещ...

И не договорилъ. Увидѣлъ красныя ленточки, флажки:

— Что та-ко-е!

— Господинъ генералъ, отдайте ваше оружіе!..

Такъ сказалъ солдатъ. У генерала задергалась лѣвая бровь. Онъ побѣлѣлъ, потомъ дернулъ плечами и рѣзко всталъ. Офицеры, точно привязанные къ нему ниточкой вскочили. Солдаты преградили дорогу винтовками.

— Стой! Оружіе!..

— Что?! Не смѣть! Присяга твоя? Гдѣ присяга, па-адлецъ! Красный флагъ, а?.. М-мерз...

Генералъ задохнулся.

— Вы не подчиняетесь? Вы арестованы!—спокойно заявилъ солдатъ.

Генералъ провелъ по своему бѣлому лицу:

— Кто приказалъ?

Солдатъ погладилъ свою ленточку на груди, усмѣхнулся:

— Народъ.

— А-а, народъ?—криво улыбаясь, произнесъ генералъ и, обернувшись къ офицерамъ, съ иронiей повторилъ: — слышите, господа—народъ!

И сразу погасъ. Не попадая руками куда слѣдуетъ, вытащилъ изъ кармана черный браунингъ и протянулъ солдату.

— В-вотъ!.

Въ сосѣднемъ отдѣленiи грохотъ и площадная брань:

— Растакъ васъ, с-сукины дѣти!.. Вонъ!..

Рѣзкiй звукъ выстрѣла. Изумленный вскрикъ и стонъ. Изъ вагона выволокли блѣднаго жандармскаго офицера. На синемъ мундирѣ у аксельбанта, алѣетъ пятно.

— Этого за что?

Рабочiй съ винтовкой, пробѣгая мимо, торопливо бросаетъ:

— За дѣло!»

Вокругъ Таврическаго дворца, гдѣ безъ

отдыха засѣдали депутаты, выросъ лагерь. Шелъ народъ съ красными флагами, шли солдаты, ѣхали грузовики съ патронами, везли муку, тащили пулеметы. Солдаты качали Керенскаго и искали, «кто-бы повелъ».

— Дайте руководителей!.. Скажите: что дѣлать?

Стрѣльба разлилась по всему городу.

Возставшія войска перехватывали отряды переодѣтой полиціи и вступали немедленно въ короткій, рѣшительный, всегда побѣдный бой. Засѣвшіе на чердакахъ и на крышахъ городовые стрѣляли вдоль улицъ изъ ружей и пулеметовъ. Отдѣльныя кучки народа, съ выжиданіемъ застывшія на перекресткахъ и боявшіяся двинуться впередъ, волновались и роптали. Все время то тамъ, то здѣсь слышались голоса:

— Разрывными стрѣляютъ!.. Съ той крыши!.. Студенту животъ разворотило!..

— Солдата чуть не пополамъ перерѣзало...

— Не ходите, тамъ убитые лежатъ... Сейчасъ за ними автомобиль пріѣдетъ...

Всѣ больницы и пріемные покои уже были переполнены. Въ часовняхъ лежали трупы сотенъ, изъ которыхъ многіе были убиты случайно...

У революціонеровъ настроеніе поднималось съ каждой минутой. Ряды борцовъ за свободу пополнялись все новыми и новыми добровольцами. Къ вечеру уже почти всѣ автомобили въ городѣ были реквизированы для нуждъ революціи, и на нихъ съ быстротою молніи носились по улицамъ летучіе боевые отряды солдатъ и рабочихъ, которые, внезапно появляясь то здѣсь, то тамъ, во всѣхъ концахъ города, наносили неожиданные удары жалкимъ остаткамъ разбитой на голову полиціи и жандармеріи.

У Троицкаго моста собралось четыре грузовика съ революціонерами и легкій автомобиль съ флагомъ «краснаго креста».

— Ура!.. Ура!..—окружила ихъ толпа.

Въ верхнемъ этажѣ Мраморнаго дворца открылась форточка и оттуда выглянуло женское лицо...

— Закройте!.. Окна во дворцѣ закройте!—раздались голоса съ автомобилей.

Стоявшіе около дворца два дворника, одинъ молодой, другой пожилой, точно по командѣ, подняли головы, сдѣлали свирѣпыя лица и отчаянно замахали руками:

— Закрой, тебѣ говорятъ!..

—Казакъ!.. Казакъ!..—закричали вдругъ въ толпѣ.

Дѣйствительно, изъ воротъ Мраморнаго дворца вырвался и стрѣлой понесся по пустынной набережной въ сторону Зимняго дворца казакъ.

Автомобиль съ флагомъ краснаго креста, въ которомъ сидѣли студентъ и два солдата, мгновенно устремился вслѣдъ казаку. Толпа напряженно слѣдила за своеобразной гонкой...

— Не уйдешь, шалишь!—увѣренно рѣшило большинство.

И, дѣйствительно, казакъ не ушелъ.

Черезъ какіе-нибудь 600—700 шаговъ автомобиль настигъ казака, стремительно обогналъ его и, давъ задній ходъ, со всего

размаха ударился подъ ноги мчавшейся на него лошади.

Казакъ не удержался въ сѣдлѣ и, перелетѣвъ черезъ голову сбитой лошади и автомобиль, растянулся плашмя на набережной. Солдаты выскочили изъ автомобиля и схватили казака.

Въ стычкѣ никто не пострадалъ.

Даже лошадь какимъ-то чудомъ осталась совершенно невредимой и, вскочивши на ноги, бросилась въ карьеръ по набережной и скоро скрылась изъ глазъ. Казака торжественно привезли къ Троицкому мосту.

— Урра!— загремѣла толпа.

Казака окружили, дружелюбно похлопывали по плечу, добродушно подсмѣивались. Онъ пугливо оглядывался по сторонамъ, и лицо у него было недоумѣвающее и смущенное.

Я обошелъ Мраморный дворецъ и вышелъ на Милліонную. Милліонная была пустынна. Быстро пройдя ее, я очутился на Дворцовой площади.

У дворца всѣ часовые находились на

своихъ мѣстахъ. Площадь передъ дворцомъ была запружена народомъ.

Со стороны Адмиралтейской набережной показалась стройная, мѣрно колыхающаяся масса.

Толпа заволновалась:

— Свои или не свои? Друзья или враги?

Солдаты,—около двухъ ротъ,—вышли на площадь и выстроились въ двѣ шеренги передъ дворцомъ—лицомъ къ Морской улицѣ.

Раздалась команда:

— Смирно!..

Толпа отхлынула. Помня команды и строй во время предыдущихъ разстрѣловъ, толпа опредѣленно рѣшила, что передъ нею переодѣтые «фараоны».

Бросились бѣжать.

И вдругъ сзади у дворца раздалось дружное «ура». Бѣжавшіе пріостановились. Солдаты стояли на мѣстѣ, кричали «ура» и махали въ воздухѣ бѣлыми платками и шапками.

Толпа мигомъ повернула обратно и бросилась къ солдатамъ:

— Ура! Ура!..

Солдаты смѣшались съ толпой. Ихъ обнимали, цѣловали. Многіе изъ толпы плакали, нѣкоторые крестились...

— Куда идти?.. Гдѣ сейчасъ самое жарко стрѣляютъ?—спрашивали солдаты.

— Идите на Литейный!..—отвѣчали имъ.

Солдаты снова выстроились.

— Марсельезу!—скомандовалъ офицеръ.

«Отречемся отъ стараго мі-і-ра!..»—грянули солдаты и стройными рядами, нога въ ногу, точно на парадѣ, замаршировали на Милліонную.

«Марсельеза» подхваченная дружно толпой, еще долго оглашала Дворцовую площадь.

Ночью по городу разнеслись послѣдніе слухи: пала Петропавловская крѣпость, Литовскій замокъ, арестованъ и препровожденъ въ Гос. Думу предсѣдатель Гос. Совѣта И. Г. Щегловитовъ, разгромлена и сожжена охранка.

Послѣдніе выстрѣлы.

Съ утра 28 февраля Петроградъ закипѣлъ, какъ жерло огромнаго вулкана, полнаго горячей лавы. Всѣ куда-то мчались, кричали, о чемъ-то спорили. У всѣхъ на лацканахъ пальто, на рукавахъ, на шляпахъ—красныя ленточки.

Автомобилей съ красными флагами стало еще больше.

Городъ былъ во власти революціонеровъ. Стрѣляли только съ крышъ, чердаковъ, изъ участковъ засѣвшіе тамъ городовые.

Но съ ними справлялись быстро.

Одинъ за другимъ брались всѣ участки, защитники ихъ арестовывались и отправлялись на грузовикахъ въ Гос. Думу. Во всѣхъ концахъ Петрограда горѣли груды протоколовъ, переписокъ, циркуляровъ, отношеній и прочіе предметы полицейскаго творчества.

Упорно сопротивлявшееся Адмиралтейство тоже было взято...

По всему городу производились аресты.

Ловили переодѣтыхъ полицейскихъ, арестовывали бывшихъ министровъ, сановниковъ...

Въ этотъ день были арестованы между прочимъ Курловъ, Рейнъ, петроградскій градоначальникъ Балкъ, предсѣдатель Совѣта министровъ кн. Голицынъ, Штюрмеръ, Фредериксъ, д-ръ Дубровинъ, командующій войсками Петрогр. окр. Хабаловъ и, наконецъ, Климовичъ.

Всѣхъ арестованныхъ приводили въ Думу, гдѣ и водворяли въ министерскій павильонъ.

Передъ Думой стояли броневики, гарцовали кавалеристы, ходили солдаты и внимательно выжидала новостей толпа. По всему коридору, ведущему въ Екатерининскій залъ, толпились, лежали и сидѣли солдаты. Многіе спали тутъ-же, у стѣнъ, на полу.

Въ полуциркульномъ залѣ была устроена перевязочная. Около стола съ бинтами и ватой хлопотала сестра милосердія.

Тутъ же солдаты сваливали въ кучу откуда-то принесенную солдатскую амуни-

цію: шинели, брюки, гимнастерки и тутъ-же стояло нѣсколько зеленыхъ пулеметовъ, охраняемыхъ часовымъ.

Дума была переполнена солдатами и была похожа на казармы.

Въ Екатерининскомъ залѣ, окруженный солдатами, охрипшимъ, надорваннымъ голосомъ говорилъ страстную рѣчь Керенскій. Среди гула, врывавшагося въ залъ со всѣхъ сторонъ, отчетливо звучали звонкія слова:

— Часъ насталъ!.. Будемъ же дружны!.. Еще одно усиліе — и побѣда за нами!..

Послѣ Керенскаго говорилъ Милюковъ потомъ командиръ гренадерскаго полка.

Всѣ звали къ дружной борьбѣ, къ порядку, къ дисциплинѣ. У солдатъ были сосредоточенныя и дѣловитыя лица.

Каждаго оратора они внимательно выслушивали и каждаго провожали дружнымъ, громовымъ «ура».

Въ буфетѣ пили чай солдаты.

По коридорамъ, гдѣ еще нѣсколько дней тому назадъ проходили министры и депутаты, — солдаты тащили огромныя туши

мяса и ковриги хлѣба для продовольствія команды, занявшей Таврическій дворецъ.

Въ комнатѣ, рядомъ съ буфетомъ, студенты и курсистки лихорадочно набивали пулеметныя ленты.

Около 3 часовъ дня Дума была обстрѣлена изъ пулемета съ верхушки противоположнаго зданія. Стрѣлявшіе были скоро «сняты» осадившими домъ солдатами. Снова были жертвы.

Пока въ коридорахъ и залахъ Думы шла вся эта невообразимая толчея—въ двухъ противоположныхъ концахъ Таврическаго дворца шли два историческія засѣданія.

Въ одномъ концѣ—временнаго комитета, а въ другомъ—Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Событія шли быстро, но при переговорахъ между этими двумя комнатами минуты казались часами. Отъ исхода переговоровъ зависѣла участь всей Россіи.

Наконецъ состоялось соглашеніе, и было объявлено новое правительство.

Милюковъ вышелъ къ толпѣ, какъ ми-

нистръ иностранныхъ дѣлъ, а Керенскій, какъ министръ юстиціи и генералъ-прокуроръ.

1 марта въ Петроградѣ уже не слышно было выстрѣловъ.

Полицейскихъ и прочихъ приспѣшниковъ старой власти вылавливали изъ квартиръ точно крысъ, безъ выстрѣла, безъ труда, безъ шума.

Открылись нѣкоторые магазины, и жизнь столицы стала понемногу входить въ свою обычную колею.

И когда 3-го марта телеграммы принесли извѣстіе объ отреченіи Николая за себя и за сына, а также и объ отреченіи Михаила—это не произвело уже никакого впечатлѣнія.

Иначе вѣдь и быть не могло.

Съ монархіей было кончено.

Обновленная страна могла приступить снова къ отложенной на время огромной работѣ: къ организаціи тыла.

Въ Москвѣ.

Въ Москвѣ переворотъ совершился «мирно», почти безъ крови.

На алтарь революціи было принесено всего 11 жертвъ.

Въ ночь съ 27 на 28 февраля по полученіи первыхъ извѣстій о побѣдѣ революціи въ Петроградѣ, началась всеобщая забастовка, и типографщики оставили помѣщенія газетъ.

28-го съ утра жизнь текла еще своимъ чередомъ.

Въ 12 часовъ дня стали трамваи. Къ этому же времени — уже весь городъ на улицѣ. Повсюду двигались толпы народа. На тротуарахъ самыхъ захолустныхъ улицъ волновались черныя тѣни людей.

Все стремилось къ городской думѣ, гдѣ въ часъ дня должно было состояться за-

сѣданіе представителей общественныхъ организацій Москвы.

Толпы рабочихъ по всему городу разоружали городовыхъ.

Вечеромъ стали переходить на сторону народа московскія войска. Былъ образованъ Исполнительный комитетъ общественныхъ организацій Москвы, который взялъ городъ въ свои руки.

Городъ волновался до поздней ночи. Всѣ улицы сверкали огнями: исполнительный комитетъ распорядился зажечь бездѣйствовавшій по недостатку топлива газъ и усилить уменьшенное электричество.

На улицахъ не было уже ни одного городового. Извозчиковъ—тоже.

На Тверской и на Воскресенской площади до глубокой ночи шумѣлъ народъ и гремѣло почти не смолкавшее «ура».

Въ эту ночь всѣ газеты рѣшили выйти на слѣдующій день безъ цензуры. Но это рѣшеніе было сорвано отказомъ присоединиться къ нему «Русскаго слова», которое не вполнѣ еще было увѣрено въ побѣдѣ и благоразумно предпочло выждать.

На слѣдующій день, 1-го марта, городъ кишѣлъ распѣвавшимъ революціонныя пѣсни народомъ съ ранняго утра. Всѣ магазины были закрыты. Повсюду дефилировали присоединившіяся къ революціи части войскъ. Этими же войсками была занята и Воскресенская площадь.

Вотъ по Тверской быстрой рысцой несется нѣсколько рядовъ казаковъ.

Толпа опасливо шарахается въ стороны. Молодой казачій офицеръ машетъ рукой и успокаиваетъ толпу:

— Не бойтесь... Мы съ вами...

— Да здравствуетъ армія!—радостнымъ крикомъ провожаетъ казаковъ толпа.

Вслѣдъ за казаками, внизъ по Тверской, въ полномъ порядкѣ спускается артиллерія. Пушки и зарядные ящики украшены красными флажками. Высоко развѣвается красное знамя съ надписью:

— «Да здравствуетъ свободная Россія».

Какъ выясняется, эта артиллерійская часть была выслана Мрозовскимъ для усмиренія народа, но перешла на сторону революціонеровъ.

Въ это же время на Красной площади выстраивалась артиллерія, и солдаты удаляли толпу.

Революціонныя войска готовились къ атакѣ Кремля.

Но атаковать Кремль не пришлось: защитники Кремля поспѣшили сдаться безъ боя.

У городской думы тоже расположилась артиллерія. Жерла орудій глядятъ во всѣ стороны. У подъѣзда думы въ полномъ порядкѣ происходило вооруженіе пришедшихъ безъ оружія солдатъ и милиціонеровъ.

У Никитскихъ воротъ завязалась короткая перестрѣлка съ отрядомъ городовыхъ. Въ нѣсколько минутъ городовые были смяты и обезоружены. И почти безъ жертвъ.

Къ ночи Москва была въ рукахъ революціонеровъ.

По всему городу производились аресты представителей старой власти. Новая власть уже была выбрана, признана и утверждена.

2-го марта стали открываться магазины, появились рѣдкіе извозчики.

3-го марта пошелъ трамвай, и Москва успокоилась.

Провинція.

Первыми изъ провинціальныхъ городовъ откликнулись на петроградскія событія Нижній-Новгородъ, Тверь, гдѣ былъ убитъ оказавшій сопротивленіе революціонному движенію губернаторъ Н. Н. Бюнтингъ, и Харьковъ.

Въ этихъ городахъ 1-го марта, сейчасъ же по полученіи первыхъ извѣстій изъ Петрограда, начались демонстраціи, войска присоединились къ народу и старая власть была упразднена. Управленіе городомъ перешло къ городскимъ головамъ. И на другой же день уже все было спокойно.

Съ 2-го марта стали присоединяться къ движенію и остальные города.

Такъ, въ Саратовѣ въ этотъ день образовался совѣтъ рабочихъ депутатовъ и военный комитетъ офицеровъ. Вечеромъ въ думѣ были произведены выборы общегородского комитета; въ засѣданіи принимали участіе представители офицерства гарнизо-

на. Порядокъ въ городѣ охранялся революціонными войсками.

Въ Ростовѣ-на-Дону произошли грандіозныя манифестаціи, которымъ старыя власти не препятствовали. А на другой день уже этой старой власти въ городѣ не существовало.

Въ Кіевѣ полиція была снята по распоряженію исполнительнаго комитета только 5 марта. Порядокъ въ городѣ все время не нарушался, и присоединеніе совершилось постепенно въ полномъ согласіи военныхъ властей и исполнительнаго комитета.

Въ Николаевѣ 5-го марта полиція сама сложила свои полномочія, заявивъ городскому головѣ о своемъ добровольномъ присоединеніи къ новому правительству. О такомъ же «присоединеніи» сдѣлалъ заявленіе городскому головѣ и Николаевскій градоначальникъ.

Самара, Тифлисъ, Астрахань, Курскъ, Тамбовъ, Воронежъ, Сызрань, Одесса, всѣ сибирскіе города, а вслѣдъ за этимъ и вообще всѣ города Россіи присоединились къ революціи почти по общему трафарету.

По полученіи извѣстій о революціи вездѣ начинались демонстраціи, избирались комитеты народной власти, присоединялись войска. Полиція разоружалась, старая власть смѣнялась, и присоединившійся городъ утихалъ и возвращался къ обычной жизни, точно ничего особеннаго не случилось.

И всюду старая власть сдавалась безпрекословно, по первому требованію народа. Революція въ провинціи была совершенно безкровная. Прогнившій старый режимъ отваливался самъ собой, точно созрѣвшій, изсохшій струпъ на старой ранѣ.

Конечно, не обошлось и безъ попытокъ со стороны приверженцевъ старой власти удержать «ввѣренные имъ» города отъ присоединенія. Но попытки эти были почти исключительно, такъ сказать, «дипломатическаго» свойства и успѣха, хотя бы даже временнаго, нигдѣ не имѣли.

Способъ, къ которому прибѣгали эти хитроумные администраторы, заключался въ фальсификаціи приходившихъ изъ Петрограда извѣстій. Такъ, напримѣръ, въ Одессѣ, Симферополѣ и Севастополѣ во всѣхъ

газетахъ 3 и 4 марта были напечатаны слѣдующія «офиціальныя» сообщенія о петроградскихъ событіяхъ:

«Въ послѣдніе дни въ Петроградѣ произошли вооруженныя столкновенія съ полиціей и волненія, въ которыхъ приняли участіе войска петроградскаго гарнизона. Гос. Думой образованъ временный комитетъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Гос. Думы Родзянко для возстановленія порядка... Войска гарнизона Петрограда возстановили порядокъ».

Въ Севастополѣ это сообщеніе было подписано командующимъ флотомъ в.-адм. Колчакомъ, въ Одессѣ и Симферополѣ одесскимъ ген.-губерн. Эбѣловымъ.

Въ Симферополѣ 4-го марта во всѣхъ газетахъ дополнительно сообщалось, что

«Особый комитетъ, о которомъ говорится въ обращеніи главнаго начальника одесскаго военнаго округа, при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка», а немного ниже сообщается, что

«въ своемъ обращеніи онъ объявляетъ, что въ Гос. Думѣ образована продовольственная комиссія, которая вѣдаетъ всѣмъ дѣломъ продовольствія».

Въ Ревелѣ адм. Герасимовъ въ особомъ приказѣ 2-го марта такъ излагалъ петроградскія событія:

«До вчерашняго дня въ Петроградѣ происходили безпорядки, въ которыхъ участвовали нѣкоторыя части войскъ и вооруженныя толпы народа. Въ настоящее время въ Петроградѣ волненія затихаютъ, прекращаемыя усиліями Гос. Думы, уже призвавшей войска къ повиновенію».

Того-же 2-го марта Герасимовъ опубликовалъ еще одинъ приказъ:

«За активное участіе въ забастовкѣ выселить изъ крѣпостного района слѣдующихъ рабочихъ Русско-Балтійскаго судостроительнаго и механическаго заводовъ (слѣдуетъ перечисленіе 10 фамилій рабочихъ)».

Въ первомъ же вышедшемъ послѣ революціи номерѣ кронштадтская газета «Котлинъ» пишетъ:

«Касаясь событій кронштадтскихъ, гдѣ

при выступленіяхъ революціонныхъ массъ погибло нѣсколько представителей отжившей власти, приходится замѣтить, что доля вины за допущенное кровопролитіе лежитъ на отсутствіи чуткости и яснаго пониманія порядка событій у погибшаго губернатора, очевидно, питавшего вѣру до послѣдняго момента въ старый режимъ: въ тотъ моментъ, когда командующій флотомъ входитъ уже въ контактъ съ новымъ правительствомъ, въ Кронштатѣ, за 25 верстъ отъ Петрограда, скрываются отъ общества и войскъ сообщенія о дѣйствительномъ положеніи дѣла и даже дѣлаются попытки къ разоруженію нѣкоторыхъ частей и посылаются войска въ Петроградъ на защиту стараго строя, что было сдѣлано, напримѣръ, съ ораніенбаумскими пулеметными войсками, правда, по прибытіи присоединившимися къ народу. И вотъ, въ результатѣ непониманія момента главой гарнизона явился рядъ эксцессовъ съ печальными для многихъ послѣдствіями, вмѣсто того, чтобы нормально присоединиться всѣмъ воинскимъ

составомъ къ новому строю, что совершилось почти по всей Россіи».

Въ Кременчугѣ 1-го, 2-го и 3-го марта военная цензура еще запрещала писать о событіяхъ въ Петроградѣ. Въ городѣ ходили самые неопредѣленные слухи. Комендантъ Смирновъ энергично боролся съ крамолой, запрещалъ опубликовывать воззваніе новаго правительства, угрожалъ репрессіями. Тѣмъ не менѣе уже 4-го марта сдерживавшееся народное движеніе вылилось со стихійной силой. Гарнизонъ присоединился къ новому правительству, комендантъ сдался.

Въ Кишиневѣ губернаторъ Вороновичъ не желалъ признавать новое правительство до 6-го марта.

До этого дня онъ душилъ мѣстную печать и угрожалъ населенію репрессіями. И только 6-го марта, увѣрившись, наконецъ, въ безполезности своего упрямства, Вороновичъ оставилъ свой постъ, и въ управленіе губерніей вступилъ предсѣдатель земской управы, К. А. Мими. Полиція обезоружена.

6-го же марта присоединились къ новому правительству закаспійскій край и

ферганская область въ лицѣ своихъ административныхъ представителей: командующаго войсками ген. Куропаткина, впослѣдствіи арестованнаго, и ферганскаго военнаго губернатора.

Въ настоящее время новое правительство признано всей Россіей въ полномъ смыслѣ этого слова.

Всѣ реакціонеры, «темныя силы», наиболѣе упорные приверженцы и служители кошмарнаго прошлаго страны арестованы и ожидаютъ грядущаго суда, который и рѣшитъ дальнѣйшую ихъ участь.

Новый строй въ деревнѣ.

Какъ образецъ организаціи новаго строя въ деревнѣ, можно привести воззваніе исполнительнаго комитета села Богородскаго, Нижегородской губ. и уѣзда къ населенію:

«Граждане! Въ интересахъ Великой Россіи и побѣды ея надъ врагомъ необходимо дружно и спокойно продолжать свою работу и слѣдить за порядкомъ, вводя пра-

вильную организацію—залогъ лучшаго будущаго Россіи. Просимъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ распоряженіямъ богородскаго общественнаго исполнительнаго комитета.

Комитетъ занимается и будетъ заниматься вопросами охраны населенія, снабженія его продовольствіемъ и организаціей временной мѣстной власти.

Призываемъ все населеніе подвозить въ село Богородское продукты для продажи и сдачи ихъ. Помните, что только совмѣстными усиліями мы можемъ довести страну до счастливаго и благополучнаго конца».

Комиссаръ по Саратовскому уѣзду г. Григорьевъ въ мѣстныхъ газетахъ обращается къ волостнымъ правленіямъ, волостнымъ старшинамъ и старостамъ уѣзда со слѣдующими словами:

«Поддержаніе порядка, тишины и спокойствія въ селеніяхъ волости возлагаются на старшинъ, старость и десятскихъ, о чемъ объявить всему населенію.

Предлагаю старшинамъ разъ въ сутки—утромъ—сообщать мнѣ телефонограммой о

положеніи дѣла въ волости въ отношеніи охраны спокойствія и порядка. Въ экстренныхъ случаяхъ—сообщать особой телефонограммой.

Всякое нарушеніе порядка и спокойствія будетъ строго наказываться по закону.

Всѣ урядники и стражники устраняются отъ должностей и должны выдать имѣющіяся у нихъ дѣла, переписку и оружіе старшинамъ».

Организаціи новой власти и порядка въ деревнѣ, въ земствахъ удѣляется много вниманія. Крестьяне начали лихорадочно организовываться, создавать мѣстные комитеты.

Случаевъ неповиновенія новой власти въ деревнѣ почти нѣтъ.

Единственное столкновеніе отмѣчено «Русской Жизнью» лишь въ Волчанскомъ уѣздѣ:

«Въ Волчанскомъ уѣздѣ находится очень крупное имѣніе, принадлежавшее германскому подданному Роттермунду. Наканунѣ войны оно было продано, но недавно возникло сомнѣніе, не является ли эта сдѣлка фиктивной. Въ имѣніи оставались Рот-

термундъ, прежніе управляющіе и т. д. Между прочимъ, въ ихъ распоряженіи находилась стража изъ 25 человѣкъ, содержавшаяся для охраны имѣнія на средства владѣльца.

Когда при разоруженіи полиціи въ Волчанскомъ уѣздѣ, отъ стражи въ имѣніи «бывшемъ» Роттермунда потребовали сдать оружіе, всѣ стражники наотрѣзъ отказались выполнить это требованіе.

Изъ Харькова въ имѣніе «бывшее» Роттермунда посланы драгуны для укрощенія стражниковъ».

Библіотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Книгоиздательство І. Р. Бѣлопольскаго

Невскій, 110, кв. 10
Телеф. 131-76.

Библіотека Великой Русской Революціи.

СЕРІЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

№ 1—2. **Ю. Волинъ.**—Рождество свободы.
А. д' Актиль.—26-ое Февраля.
Цѣна 30 к.

№ 3—5. **П. Переваловъ.**—Бои за свободу (на улицахъ Петрограда). Цѣна 45 к.

№ 6—7. **Як. Окуневъ.**—Въ огнѣ возстанія. Цѣна 30 к.

№ 9—10. **Ефимъ Зозуля.**—Пять дней.
В. Горянскій.—26 Февраля. Ц. 30 к.

№ 11—12. **Ю. Волинъ.**—Разсказы о великихъ дняхъ. Цѣна 30 к.

НОВАЯ КНИГА.

Проф. РЕЙСНЕРЪ.

„ПРОЛЕТАРІАТЪ И МѢЩАНСТВО"

«Двѣ души русскаго народа» въ ученіяхъ Леонида Андреева и Максима Горькаго. Цѣна 1 р. 25 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

1) **Книгоиздательство І. Р. Бѣлопольскаго**
Невскій, 110.

2) **Газ.-журнал. экспедиція М. Г. Воронова**
Невскій, 88.